

КСЕНИЯ ЛЕСТОВА и ЛИДИЯ ЧИКА

КАК НАЙТИ
ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ
ДЕКАБРЬ ПРИЛАГАЕТСЯ

Ксения Алексеевна Лестова
Лидия Сергеевна Чайка
Как найти перо Жар-
птицы. Декабрь прилагается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69869098

SelfPub; 2023

Аннотация

Как-то под Новый год подруга нагадала мне жениха из другого мира. Сказала, что в нашем такого днем с огнем не сыщешь. Я только рукой махнула. Никогда в гадания не верила. Но кто же знал, что спустя целых три года я в самом деле попаду в другой мир. Под Новый год... И задачу этот мир для меня ставит непростую: найти пропавший месяц. По слухам, уже какой год в Отражающем Декабря нет. А с ним и зима нормальная не приходит. Самое главное выполнить поставленную передо мной задачу и вернуться домой. А то, что один из оставшихся одиннадцати месяцев в душу запал... С кем не бывает? Тем более, что характер у него под стать зимнему месяцу. Ведь молодца Январем кличут.

Ксения Лестова, Лидия Чайка Как найти перо Жар- птицы. Декабрь прилагается

Вдруг как в сказке скрипнула дверь

Все мне ясно стало теперь

Столько лет я спорил с судьбой

Ради этой встречи с тобой!

Слова Леонида Дербенева

Фильм «Иван Васильевич меняет профессию»

ПРОЛОГ

– И будет он с характером, – загробным голосом продолжила вешать лапшу на уши Машка, моя лучшая подруга еще со школьной скамьи. – Статен, красив и обходителен. Временами...

Она раскладывала на столе, накрытом старой, местами потрепанной и замученной скатертью, карты Таро. Карточки, размером больше, чем привычные мне игральные, ложились

на столешницу, картинкой вверх. Мне, если честно, они ни о чем не говорили. А вот Маша якобы что-то видела. Расстраивать подругу и говорить ей, что не очень-то верю в ее способности, не стала. Смирно сидела напротив, сложив на коленях руки со сцепленными в замок пальцами. Пусть говорит. Время еще есть, мне некуда спешить. Если только на свидание с Лешкой. Но тут уж... Попробуй выберись из квартиры девчонки, что возомнила себя великой гадалкой. Поскорее бы это уже закончилось... Еще подарки близким покупать надо, а я тут сижу и ворон считаю. Вон они, кстати, за окном каркают, кружат и раздражают. Если бы не ясная погода, атмосфера бы окончательно стала напоминать кладбищенскую. А так, ничего, нормально вроде. Погода солнечная, морозная, снег сугробами лежит вдоль вычищенной дворниками дороги. Деревья красивые, пусть и без листвы, зато в белоснежных шубках.

В парке, что через дорогу, сейчас во всю резвятся наглые белки. Чтобы быстрее добраться до метро, я обычно частенько пробегала там и видела, как эти рыжие хитрюги в количестве четырех штук, буквально вымогают орешки или еще чего вкусенького. Чуть ли на головы спешащим по дороге людям не садятся. На мне так пару раз проехались. Помню, когда они использовали меня как транспорт в первый раз, кричала я знатно. Лешка тогда с перепугу подальше отскочил и смотрел большими карими глазами на свою непутевую невесту, что удумала кричать на всю Ивановскую. Только по-

том он сообразил, что кричала я из-за белки, что самым наглым образом вцепилась мне в волосы. Он только попытался ее с меня снять, как та, извернувшись, цапнула Лешу за палец и была такова. А нам потом пришлось бежать к врачу и делать Лешке прививку от бешенства. Незабываемая вышла прогулка. Кстати, произошло это три недели назад. И раньше белки в парке были более спокойными.

– Он не из нашего мира, – продолжала бормотать Маша.

Она выложила на стол почти все карты. В ее руке оставалось всего три или четыре картинки. Все остальные веерами были разложены передо мной, только вверх тормашками. Иногда, чтобы хотя бы отдаленно понять, что нарисовано на карте, приходилось изворачиваться. Хотя я постепенно стала терять интерес к гаданию подруги. Долго. А меня, повторяю, жених ждет.

– Оу, – присвистнула Машка, когда последняя карта оказалась на столе. – Тебя ждут приключения. Ну и любовь. Большая и чистая. Все как в сказке.

– Ага, – хмыкнула. – Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь. Все мне ясно стало теперь... – пропела, вспоминая знакомые все строчки, которые мы частенько вспоминаем под Новый год. – Я могу идти?

– Не торопись, – не унималась Мария. – Подождет твой Алексей. Вообще не понимаю, чего ты в него вцепилась.

На меня посмотрели пытливо. Буравили большими черными глазами. Волосы, кстати, были тоже темные. Пря-

мо вылитая цыганка. Если не знать, что на самом деле она наполовину русская, наполовину – татарка. Отец ее в свое время с семьей перессорился, когда на матери женился. Маша рассказывала, что со стороны ее родителя никто с ними знаться не желает. А ведь прошло уже восемнадцать лет. Пора бы и смириться... Тем более, что помимо Машки, у них в семье еще двое шибутных подрастают: Азамат и Булат. На именах близнецов настоял глава семейства. Вере Георгиев-не пришлось смириться. Тут ее супруг, опять же, по словам Маши, бы непреклонен.

– Маша, мне на самом деле пора идти, – проговорила, нервно посматривая на наручные часы с Микки Маусом.

– Ты думаешь, я шучу? – кажется, подруга обиделась. – Считаешь, что в картах не разбираюсь?

– Разбираешься, – постаралась говорить как можно серьезнее. Еще и кивнула, подтверждая свои же слова. – Но мне на самом деле некогда и...

– Не пара тебе Алексей, пойми, – заупрямилась Маша. И чего ей Лешка по душе не пришелся? Нормальный парень. – Другая у тебя судьба. Он к ней никакого отношения не имеет.

– Ну хватит, – я поднялась из-за стола. – Столько раз обсуждали, а ты все об одном твердишь. Знала ведь, что не стоит оставаться. Нужно было просто отдать тебе на пороге конспекты и идти по своим делам.

Маша тоже поднялась. Нависла надо мной (она была вы-

ше меня на целую голову) и посмотрела напряженно. Продолжая жечь черным взглядом.

– Дашка, приди в себя. Он же тобой пользуется!

Ну... пользуется или нет, тут уж время покажет. Пока что мы просто встречаемся. Да и дальше поцелуев у нас дело не дошло.

Почему-то последняя мысль ни капельки не покорила. Встречаемся мы уже полгода. За это время мне ни разу не намекнули на более тесное продолжение наших отношений. Зато предложение уже сделали. И я отказываться не стала. Лешка он же... особенный.

– А вот не правда, – я поморщилась. Ссориться с лучшей подругой не хотелось. – Тебе что, карты рассказывают, кто хороший, а кто плохой? Ты веришь этим картонкам?

– Это не картонки, – Маша недовольно поджала губы. – Ладно, Даша, иди. Все, что я хотела тебе сказать, уже сказала.

– Можно не провожать, – с нотками обиды в голосе, сказала я и, не прощаясь, направилась в коридор.

Там, поспешно оделась и вышла из квартиры. Обида царапала грудь изнутри. Ну вот и как с ней разговаривать? Да и я хороша, зачем согласилась? Знала ведь, что ничем хорошим ее гадание не закончится.

Жених из другого мира. Надо же было такое придумать!

Глава 1

В которой я попадаю в самую настоящую сказку

Ребенок, живущий во мне, требовал праздника, а душа – коньяка. Наверное, это обычные желания двадцатиднолетней девушки, у которой снова не склеилась личная жизнь. Со своим последним ухажером я встречалась два месяца. И все было хорошо. До того момента, пока он вдруг не решил, что со мной можно перейти ту грань, которую я, по каким-то непонятным даже мне причинам, до сих пор ни с кем не перешла.

Все мои злключения начались с расставания с Лешей. Помнится он просто не дождался меня и ушел. Не написал мне ни слова. А ведь я еще около полутора часов, как самая последняя дура, прождала его у метро. Промчалась через парк, где меня уже поджидали бешенные белочки. Одна из них вцепилась мне в шапку, а еще одна бросилась под ноги. Но я так торопилась на встречу с любимым, что не сразу обратила на это внимание. Еле отцепила от своей шапки одну, смогла избавиться от второй. И что самое удивительное – не была покусана. Иначе бы и мне пришлось бежать в травмпункт и делать прививку от бешенства.

Так вот, я стояла, ждала и не дождалась. Продрогла основательно. Настолько, что тело пробивала дрожь и зуб на зуб не попадал. Не знаю, сколько раз звонила по номеру Леши, но он не брал трубку.

Наверное, это было мое самое сильное разочарование в парне. Когда меня бросил следующий, обида была не такой острой. А уж когда дело дошло до третьего, тут я уже и не

страдала. Самые сильные чувства у меня были к Лешке. Не думала, что он так быстро охладет ко мне. Ведь даже предложение сделал. Разве так поступают те, кто видит тебя будущей женой? Или я просто не понимаю, что случилось с этим миром.

Скоро новый год. Если быть точнее, до главного праздника года оставалось каких-то семь дней. Неделя. А на улице противная слякоть. Снега, белого и на первый взгляд, пушистого, было мало. В основном он темной корочкой лежал вдоль пешеходной дороги.

Мама ушла в магазин, чтобы докупить все необходимое к праздничному столу. Папа так вообще еще с работы не пришел. У меня в институте как раз отменили последние две пары. По какой-то причине преподаватель не приехал на лекцию, поэтому, не зная, что с нами делать, нас отпустили по домам. Вот и сидела я сейчас одна и вздыхала о жизни своей непутевой. И с чего, спрашивается, я надеялась, что если парень предложил мне, восемнадцатилетней глупышке, встретиться, а потом и до предложения снизошел, то так оно и будет? В смысле: вечная любовь, свадьба и полон дом детишек.

Ладно, про детишек я загнула. В восемнадцать о них вообще не думалось. И чем чаще я обжигалась, тем меньше мне думалось и о парнях. Только слова Машки все в голове крутились уже третий год. О том, что мой суженный из другого мира. И жизнь моя будет полна приключений.

Правда ли? Конечно, нет. Других миров не существует.

Это все выдумки писателей-фантастов и любителей фэнтези.

Я сидела у окна на кухне. Пила горячий чай с сахаром и лимоном и заедала кислинку овсяным печеньем с шоколадной крошкой. Правда, перед тем как съесть несчастное печенье нормально, я по возможности выгрызала из него шоколад.

Настроение, несмотря на предвкушение волшебства, было не очень. В который раз посмотрела через стекло окна на улицу и поежилась. Непогода разбушевалась не на шутку. И когда снег успел пойти так сильно? Кружит, будто самая настоящая пурга. Ветер завывает, словно раненый, старый пес. На месте мамы, я бы в такую погоду нос из дома не высовывала. Чего уж говорить о том, чтобы куда-то пойти.

Минут через пять домой пришла запорошенная снегом мама. Нос красный, на голове поблескивает снег, чуть ли пар от одежды не идет.

– Ох, ну и непогода, – выдохнула ма, передавая мне сумку с продуктами. – И ты представляешь, горошек купить забыла! А ведь потом покупать будет некогда. А у меня ноги промокли. И нос замерз так сильно, что я его не чувствую. Отец еще... задерживается. А я сегодня хотела салат сделать.

– «Оливье»? – полюбопытствовала. – За неделю до Нового года?

– Репетиция перед праздником.

Этот салат я любила. И как только услышала, что мама собирается его готовить... Непогода сразу стала вполне себе

терпимой. И я сама подрядилась сбегать до ближайшего магазина за горошком. Ну правда, разве этот салат можно есть без горошка? Потом оказалось, что нужно еще купить хлеба, молока и про запас пару килограмм картошки. Деваться было некуда. Идти на попятный – тоже нельзя. Поэтому я, набросив свою любимую зеленую курточку, серые утги и натянув на голову красную шапку, помчалась на улицу. Ладно, ничего страшного. Пробежать всего пару домов. Замерзнуть не успею.

Какой я была в тот момент наивной! Только успела выйти из подъезда, поплотнее закутавшись шарфом, в тон шапке (в последний момент ухватила его с крючка), натянуть на руки варежки, как ощутила всю прелесть декабрьских морозов. Когда такие вообще были, не припомню. Обычно всюду слякоть и плюсовая температура. Тут же... что-то на погоду нашло. Причем, резко. Еще утром ничего не предвещало такую лютую погоду.

У магазина оказалась за рекордное время. Летела по заснеженной дороге с такой скоростью, что вполне могла участвовать в забегах на короткие дистанции. Почти сразу тело окутала удушливая теплота. Как хорошо... Словно все тело оттаивает. Сбрасывает с себя ледяную корку.

Выходить обратно на улицу, на мороз не хотелось. Деваться же было некуда. И я, нагрузившись сумками, толкнула плечом входную дверь магазина. Ступила туда, где предположительно лежал коврик (постелили, чтобы никто не по-

скользнулся) и неуверенно переставляя ноги, стала спускаться по ступеням. Но остановилась на полпути, потому как увидела... белку. Точнее, целых четыре белочки. Одна из них восседала у первой ступеньки и нервно грызла орешек. Вторая расположилась на периле по левую руку от меня. Третья, справа, на ступенях. А последняя обосновалась на спинке деревянной скамьи, что располагалась в паре метров от магазина. Рыжие белочки (странно, почему не серые, ведь должны были сменить шубки) смотрели на меня. От такого пристального внимания грызунов стало не по себе.

Моргнула один раз, второй, пытаясь тем самым прогнать наваждение. Однако, никто исчезать не спешил. Зато прохожие не обращали на белок никакого внимания. Шли себе по своим делам и понятия, кажется, не имели о том, что проходят мимо целых четырех белок. И что они, спрашивается, забыли возле продуктового магазина?

– Долго тебя ждать пришлось, – недовольно проговорила та, что сидела на периле. – Я, признаться, задубела.

– Да, я бы не отказалась от кофейку, – подала голос другая белка.

А мне вот что-то разом нехорошо сделалось. Нет, это не может происходить на самом деле. Просто я... упала, поскользнулась на льду и сильно ударилась головой. Поэтому-то сейчас и мерещится не пойми что.

Попятилась, желая скрыться в магазине. Переждать, пока пройдут галлюцинации. Ну или пока я не приду в себя.

– Куда-а-а-а?! – возмутилась белочка, которой хотелось кофе. – Мы так не договаривались!

– Хватаем ее, сестры! – заверещала другая рыжая.

– Не уйдет, черноокая! – а это уже третья белка.

Пакет выпал из вмиг ослабевшей руки. Зато в ногах появилась сила. Попыталась перескочить одну из белок, что пыталась своим тельцем преградить мне путь, но... Снежный вихрь налетел на меня так внезапно, что я, глотнув колкого воздуха, стала задыхаться. Горло опалило холодом. Он стал стремительно подбираться к легким. Перед глазами стояла белоснежная стена, сотканная из мельчайших льдинок. А в ушах свистел ветер. Волосы растрепались. Пусть и не были особо длинными, зато с таким ветродуем я точно обнаружу потом в темных прядях парочку колтунов. Если, конечно, выберусь из ледяного плена.

Меня с силой дернуло в сторону. Потом крутануло так, что перед глазами все поплыло. А в следующую секунду я очутилась в огромной сугробе.словно свечка, влетела в него головой вперед. Закашлялась, попыталась выплюнуть попавший в рот снег (оказывается я кричала с перепугу), но ничего не выходило. В итоге сработал рефлекс, и я просто-напросто его проглотила.

– Уф, умаялась, – услышала отдаленный, писклявый голосок. – Тимофея на них нет, вот честное слово.

– Да ладно, – более бодро возразили пискунье. – Зато платят хорошо. Знаешь, сколько орехов мы купить можем? Все

в дупло не влезет.

– Мы в тереме живем, балда.

– Я образно сказала! – возмутились.

– Да ты...

Дальше слушать не стала. Все-таки попыталась выбраться из сугроба. Что было довольно сложно сделать хотя бы потому, что снег забился в угги, залез за шиворот куртки и холодил тело так, что оно начинало плохо меня слушаться. Пальцы рук замерзли даже через толстые и вроде как до этого момента теплые варежки. Вроде как, потому что раньше в них у меня руки не мерзли.

– Ты посмотри на нее, – запричитали уже где-то поблизости. – В чем нынче молодежь иномирная разгуливает. Тут тебе не только проблемы со спиной заработать можно, но и приключений на одно место.

– Ага, на парочку мест, – противно захихикали.

А я, все так же игнорируя высказывания невидимок, копошилась, пытаюсь выбраться из сугроба. Никогда бы не подумала, что это столь непосильная задача.

– Ставлю один золотой на то, что она еще с час будет там возиться, – снова противный писк.

– Пф, бери выше. Я ставлю на твой золотой своих два, что она окоченеет и отдаст богам душу раньше, чем сюда заявятся месяцы.

– А я дам две золотые на то, что они успеют вытащить ее оттуда. Правда... в каком она будет состоянии, сложно

сказать.

Их болтовня подгоняла лучше, чем поддержка. Поэтому я, собрав все силы в кулак, заелозила в проклятом сугробе с еще большим энтузиазмом, если можно было так выразиться. Я словно в белоснежное и холодное болото угодила. Оно тянуло меня вниз, а я все пыталась вынырнуть на поверхность и глотнуть воздуха. Все усложнялось тем, что в сугроб я угодила головой вниз. Это обстоятельство делало мое самоспасение затруднительным.

– Девоньки, а пойдёте к костру, чаек попьем. А там, глядишь и кто из наших подоспеет.

– Ты готова оставить эту непутевую здесь одну? – возмутились в ответ. – А если она обворует нас на пару шишек?

– Не полезет же она на первую попавшуюся ель, чтобы достать шишку.

– А кто их, чужаков, знает? Сами понимаете, первое задание, оно как блин, чаще всего комом.

– Белюшка, ну что ты такое говоришь? Вдруг еще не все потеряно.

Я разозлилась. Нет, ну всякое бывает, но обвинять меня в воровстве шишек?!

Извернувшись, каким-то чудом подтянувшись и таки смогла высунуть голову из сугроба. Ну и кто у нас тут такой языкастый? Сейчас я им все выскажу. От снега только отплююсь. А то, зараза такая, все норовит в рот залезть.

Белки... Ну да, кого еще я ожидала здесь увидеть? Если до

этого можно было все списать на видение человека, у которого температура за сорок, то сейчас, сидя в сугробе и отступивая зубами чечетку, я уже не так была уверена в том, что все, что я вижу, лишь плод больного воображения. И ладно бы просто белки. Но ведь они разговаривали! Да, пискляво и не очень приятно, но речь у них была вполне для меня понятна. Отсюда вопрос: это я их речь понимать стала или они на родном русском болтают?

– Так ты вылезать будешь? – спросила одна из грызуний, восседая на ветке высокой ели. – Можешь еще посидеть. Тогда я точно пополню запасы своих... этих... Ну как его?

– Финансов, – подсказала другая белочка, что стояла рядом с сугробом, где продолжала морозиться я. – Тимофей же четко проговаривал. А ты...

– А я записала и забыла, – фыркнула первая белка. Судя по голоску, именно она на меня первую ставку сделала. В смысле не на меня, а на то, окочурюсь я в сугробе или нет.

– У-у-у-у-у, – протянула ее собеседница, – пенсия.

– Долго вы еще языками чесать будете? – спросила другая белочка. Она утаптывала снег под елью, на которой восседала спорщица. – Надо ее оттуда доставать. Как-то...

– Дык, пусть месяцы и достают, – фыркнула уже четвертая белка. Она обнаружилась на березке, что росла в метрах десяти от сугроба, в котором я... В общем, понятно, что делала.

А до меня только сейчас стала доходить вся абсурдность

ситуации. Говорящие белки – это еще ладно. Но что за месяцы? И да, что я забыла в этом сугробе?

Снова зашевелилась. Не хотелось, знаете ли, продолжать быть объектом разговоров. Особенно не хотелось слышать писклявые голоса белочек. Да если я родителям о случившемся расскажу, они же меня к врачу отведут. А если не захочу никуда идти, так силой поволокут. Чтобы лишний раз убедиться – их дочь сошла с ума. Или вот-вот сойдет.

– И что здесь происходит? – услышала немного усталый, но удивленный мужской голос. Не писклявый, стоит отметить, а вполне себе обычный. – Так-так-так... белки. Уже плохо. А это кто такой?

Я как раз выбиралась из злосчастного сугроба, запуталась в собственных ногах и полетела носом вперед. Так что тот, кто говорил, видел сейчас меня в довольно странной позе – распластанной на снегу, лицом вниз.

Приподняла голову и увидела вполне себе обычные валенки. Они стояли в каком-то полуметре от моей головы. Светлые, расшитые бисером и стеклярусом. Словно у...

– Ну, прости, Февралюшка, – вздохнула одна из белочек. – А мы вам нашу спасительницу перенесли. Не смотри, что она так странно одета. Просто у них в мире... это... Ну как его? – А, я, кажется, поняла, что это за белка. Точнее, какая из. – О! Модно это – попу на всеобщее обозрение выставять.

И ничего я не выставяю. Пусть куртка и не очень длинная, зато теплая и прикрывает... Только не в такой мороз и

не в такой позе, чего уж там.

– Вот даже как, – пробормотал мужчина в валенках и...

В следующий миг я уже стояла на ногах и взирала на, слава богу, на первый взгляд вполне себе обычного человека. Не считая глаз, в радужках которых словно лед застыл. И волосы у него серебристые. Еще лицо бледное. Еще он был странно одет. Впрочем, чего я обижала, увидев расшитые бисером валенки?

Итак, передо мной стоял Дед Мороз. В смысле, почти Дед Мороз, потому как бороды у него не было. Да и по возрасту он не очень на деда походил. От силы лет сорок, не больше. Зато рука у него была крепкая и сильная. Держал он меня за шиворот с такой силищей, что вырваться бы не получилось.

– И чем она поможет нам Декабря отыскать? – проговорил он, сверля меня придиричивым взглядом. – И...

Договорить он не успел. Дернулся, будто ему в затылок прилетел... А нет, не будто. И в самом деле в мужчину кто-то бросил снежком. А потом рассмеялся, стоя за его спиной.

– Яа-а-а-ан! – рыкнул Февраль (ущипните меня кто-нибудь, я с месяцем разговаривала), медленно поворачиваясь в сторону какого-то Яна. Что-то мне подсказывает, что на самом деле его кличут Январем. – Ты что вытворяешь?! Я тут, между прочим, беседу веду.

Не сказала бы, что это беседа. Потому как меня продолжали удерживать, словно нашкодившего котенка. Из-за того, что моя куртка так и продолжала находиться в плену сталь-

ных не иначе пальцев Февраля, шарф сполз на лицо, почти закрывая обзор. Эх, и зачем я такой большой в свое время купила? Думала, тепло будет. А на самом деле – ни черта не видно.

– Так ты отпусти собеседника своего и говори нормально, – голос явно принадлежал мужчине гораздо моложе. – Что он, как тряпичная кукла болтается? Не помню я, чтобы у тебя была тяга с куклами возиться. Парнишке явно плохо.

Вот почему парнишке-то? Я, между прочим, вполне себе обычная и, надеюсь, нормальная девушка. Или тут в штанах только мужчины ходят? Так не моя в том вина. В такой мороз в юбке я бы уже давно себе все ноги отморозила. А так там еще колготки поддеты. С другой стороны, чего сейчас-то говорить, если все равно продрогла.

– А вдруг убежит? – предположил Февраль.

– От этих? – Кажется, тут имели ввиду белок. – Не сбежит.

– Если что, мы ее шишками приложим!

– Да! Одной левой!

– Сразу сляжет!

– Ее? – удивленно переспросил Ян.

То есть до него до последнего не доходило, что я не парень? Обидно. Впрочем, сейчас он навряд ли видит что-то кроме моих, обтянутых синими джинсами ног.

– Девчонка это, – пропищали в ответ. – Точно тебе говорю. Если не веришь, так сними с нее это зеленое безобразие и посмотри.

Кто-то нарывается. Причем, если шишками начну кидаться я, то и зашибить могу. Еще в школе я была первой по метанию дротиков в фотографию директора. Сомневаюсь, что с тех пор что-то изменилось. Достаточно представить перед собой лысеющего мужчину, больше похожего на колобка, с густой черной бородой. Ах, и в извечно помятом сером костюме.

– Пусти, – пробормотала, обращаясь к Февралю. – Сам подумай, куда мне бежать? Я вообще не из этого... мира, – тут запнулась, потому как осознать такое сразу было трудно. – Никого здесь не знаю. Умру от холода быстрее, чем доберусь хоть куда-нибудь.

– Хм, – кажется, мои слова смогли как-то повлиять на мужчину. По крайней мере, хватка стала не такой железной. – Ладно, – спустя томительные пару секунд, проговорил он, выпуская меня. – И в самом деле. А если что, то волки съедят. Они тут дюже голодные.

– Чего пугаешь девочку? – возмутилась одна из белочек. Они, кстати, сейчас находились рядом. В каких-то паре шагов от меня. Все четверо. – У нее такая задача! Зиму нам нормальную вернуть. А вы...

– А мы последние силы на эти сугробы тратим, – проворчал Ян, пиная ближайший к нему, собственно, сугроб. – К началу нового дня я буду напоминать себе бледную смерть. А стоит ли оно того?

– Стоит, – возразил Февраль. – Пока среди людей особой

паники нет, у нас больше шансов найти Мороза. Тот, кто его пленил, будет думать, что мы тратим все силы на поддержание порядка в мире. А тем временем...

– Ты и себя и Янушку загонишь в могилу, – возразила белка, стоящая ближе всего к парню, который отвечал за Январь. – Ходят две смертушки и нас пугают. Да и братья ваши тоже от этой задумки не в восторге.

– Пока делаем так, как я сказал, – заупрямился Февраль. – И точка.

– Мы не продвинулись ни на локоть, – а теперь уже черед пришел Яну показывать крутой нрав. – Может Мороза и в живых нет.

– Не смей об этом говорить! – повысил голос Февраль. – И хватит обсуждать это при посторонних.

Это они, простите, меня за постороннюю считают? Нет, в принципе я не то, чтобы против. Просто... Жалко их. Ведь на самом деле две смерти рядом со мной стоят. Бледные, усталые. Только глаза живые, пусть и напоминающие лед. Между прочим, что у первого, что и у второго. Пожалуй, это было единственное сходство (не считая бледности кожи). В остальном они мало чем были похожи. Февраль выше Января на голову точно. У Яна волосы больше пшеничного оттенка и короткие. А вот его старший собрат мог похвастаться длинной, серебристой шевелюрой. И одеты они по-разному. Январь был обут в простые серые валенки, теплые темно-серые штаны и серый же полушубок. Из какого зверя он

был сделан, понятия не имела. Но точно не известный у нас в мире и замученный живодерами писец или енот. Полушубок был растегнут и виднелась льняная рубаша. На голове шапка, съехавшая на правый бок. Ну... у нас так в деревнях ходят. Не все, конечно, но бывает нарвешься на такого вот специфического местного. С другой стороны, во многих ли деревнях я в своей жизни побывала, чтобы утверждать так категорично?

Мужчины начали спорить. Громко, раздраженно переругиваться. С такими темпами у них до драки дойдет. Вон как глаза у Февраля сверкают. А Январь не уступает. Смотрит зло и напряженно. Точно готовится отразить первую атаку.

– И что за собрание? – услышала еще один незнакомый мужской голос.

И тут я с удивлением отметила про себя, что в лесу, оказываясь, тоже может быть тесно. Потому как зрителей у перепалки зимних месяцев (нет, я точно в бессознательном состоянии в каком-нибудь сугробе лежу), стало гораздо больше.

Пробежалась взглядом по собравшимся, мысленно пересчитывая их. Одиннадцать мужчин. Кто-то был одет, так же как и Ян, в полушубки, на ком-то красовались самые настоящие шубы. Но одно было неизменно – это цвет одеяний. У летних месяцев это был зеленый, у осенних – желтый, у зимних – серый и белый, а вот у весенних – светло-зеленый. Еще вышивка на одежде отличалась. Где-то это была богатая

растительность, где-то молодые побеги, или вон, как у Февраля – снежинки.

В общем, я на самом деле попала к месяцам. Словно очутилась в сказке «Двенадцать месяцев». Возраст мужчин, кстати, тоже отличался. Самому молодому я бы больше восемнадцать не дала.

– Что за чудо чудное? – спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, один из молодцев, ступая в мою сторону. Он в удивлении развел руки в стороны, словно хотел меня обнять, но не решался. – Девушка и в... штанах?

Весь момент очарования был испорчен. Осталось добавить к моему кислому выражению лица звук молнии и все, ситуация, достойная какого-нибудь второсортного телешоу.

– А что тебя смущает, Июнь? – фыркнула белочка.

Знать бы, как этих самых белочек зовут. Пока можно их пронумеровать. Вот сейчас заговорила белочка под номером один. А рядом с ней восседает, наглаживая свой пушистый рыжий хвост, вторая...

– Смущает, что девушка мало похожа на девушку, – ответил белке Июнь. У него одеяние было темно-зеленого цвета, а вышивка переливалась золотом.

– Да какое вам дело? – возмутилась и сделала пару шагов назад. Что-то мне здесь совсем не нравится. – В чем была, в том и отправили. В смысле, похитили. Белки...

Сам факт, что меня похитили четыре белки, говорил о том, что у меня не все в порядке с головой. С такой фанта-

зией пора наблюдаться у конкретного специалиста.

– Да, мы молодцы, – произнесла одна белка.

– Вообще, – вторила ей другая. Та, что любила наглаживать свой хвост.

– Это она еще с Жадюней познакомиться не успела, – это третья.

– Повезло, девке, – фыркнула четвертая.

– Так, Белюшка, Лучезара, Коряна и Горюшка хватит, – вмешался в их разговор еще один незнакомец. У этого были темные волосы, густая борода и черные глаза. Облачен он был в полушубок, штаны и... В общем, так же, как и Ян, только у этого месяца полушубок был с золотистым отливом. А на рубаше присутствовала вышивка из золотой нити.

– Сентябрь, – любишь ты перебивать, – разобиделись белочки.

Они одновременно понуро опустили головы и горестно вздохнули.

– А мы любим кусать.

– Белюшка, – шикнул на рыжую другой молодец.

Я скоро запутаюсь, кто за какой месяц отвечает и какую белку как величают. А под рукой, как назло, нет карандаша с блокнотом.

– В любом случае, – слово снова взял Февраль, – нужно отвести ее к костру. Девчонка продрогла.

Спасибо, что заметил. И вообще...

Тут до меня кое-что дошло. Ударило по голове кувалдой,

выбивая из глаз звездочки. Перехватило дыхание, нормально не вдохнуть, не выдохнуть. Ну... Дашка! Неужели правду наколдовала три года назад? Что она там говорила? Суженный мой с характером и из другого мира? Так вон сколько здесь кандидатов. Целых одиннадцать штук. И другой мир в придачу. Еще и приключения за каждым углом, в смысле, деревом поджидают.

Все бы хорошо, но как мне домой вернуться? Родители же себе места не найдут, когда не обнаружат меня дома. Есть ли возможность как-то сообщить им о том, где я нахожусь? С другой стороны, а что я им скажу или напишу? Что попала в самую настоящую сказку? Где белки человеческим голосом разговаривают, а месяцы вполне себе живые люди? Или нелюди...

– Что ж, пойдем... девица, – на последнем слове Январь запнулся. Посмотрел с сомнением. Будто сам не верил в то, что говорит. Скользнул по мне подозрительным взглядом. Неужели подумал, что я пытаюсь всех обмануть? Дескать, парни, не мужчина я, а вполне себе обычная девушка.

От таких мыслей стало стыдно и боязно одновременно. Полезет же всякая ерунда в голову. Точно себе одно из полушарий отморозила.

– До костра не далеко.

Ко мне подошел молодой человек, облаченный в темно-зеленое длинное одеяние. Точно кто-то из весенних месяцев.

Не говоря ни слова, он приобнял меня за плечи и повел в неизвестную сторону. Возражать против такого никто не стал. В том числе и я. Наверное, настолько была в шоке от всего происходящего, что и не думала возмущаться. Костер – это хорошо. Отогреться бы не помешало. А если мне еще и горячего чая предложат, будет совсем замечательно.

– Как тебя зовут, красавица? – поинтересовался незнакомец, чуть крепче сжимая пальцы на моем плече.

– Дарья, – представилась. – А вас...

– Пройдем к костру и там нормально всех представим, – не торопились отвечать мне на так и не высказанный до конца вопрос. – Чувствую, сразу ты всех нас не запомнишь. А придется. Потому как здесь тебе придется задержаться.

– На сколько? – не то, чтобы я рассчитывала услышать о конкретных сроках...

– Никто не знает, – ответил мне кто-то слева.

Кто-то, потому как я могла только гадать, кто здесь кто. Пока мне было известно, кто здесь Февраль, Январь и Июнь. А вот про остальных приходилось лишь догадываться.

Остаток пути до поляны, где жарко разгорался самый настоящий костер, прошли молча. Даже белочки, что до этого не могли заставить себя умолкнуть, притихли. Перепрыгивали с ветки на ветку, сбрасывая тем самым с них снег и помалкивали. Зато я все чаще фыркала и раздраженно на них посматривала. Снег почему-то падал только мне на макушку. Пришлось натянуть на голову капюшон. Шапку-то я по-

теряла. Точно допрыгаются, рыжие.

Оказавшись у костра, я почти сразу ощутила, как тело начинает отогреваться. По нему словно прошла жаркая, разогревающая волна. Она за считанные секунды вернула мне силы и подарила спокойствие.

– Горюшка, а вы уверены, что это именно та девица, которая поможет нам Декабря отыскать? – спросил один из мужчин у одной из белочек, у которой ушки были с густыми кисточками на кончиках (у остальных эти самые кисточки были поскуднее). Грызуны, стоит отметить, расположились на ветках ближайшей ели. Густая, высокая красавица напоминала елку с открытки. Еще и белочки... Не хватало только гирлянд, елочных игрушек и конфетти. Ах да, еще витиеватой надписи «С Новым годом!»

– Да, – белочка энергично закивала. – Я тебе хвост на отсечение даю...

– Ничему случай со Змеем Горынычем не учит, да? – хмыкнул месяц, что был на полголовы ниже всех остальных. – Тот хотя бы из-за азарта и пьянства так пострадал. А вы куда?

– Слушай, Март, ты бы это... – насупилась Горюшка, – не вспоминал имя ползучего в ночное время. Он же прилететь может.

Почему ползучий летает, отдельный вопрос. На который я, наверное, не хочу знать ответа. Точно так же, как у меня не было желания увидеть Змея Горыныча в реальности. Это

же персонаж былин и сказок! Неужели и... Колобок тут тоже есть? И... кот-ученый? А щука, разговаривающая человеческим голосом и исполняющая желания? Хотя, впрочем, последнее вполне возможно. Белки же разговаривают, почему бы и рыбе здесь не заговорить.

Хотелось спросить, почему именно я эта самая «та» и что я здесь забыла. И каким таким я могу помочь им в поисках Декабря. В родном мире это вообще... не живой месяц. В том смысле, что это просто название зимнего месяца. И январь у нас нормальный, а не такой... языкастый, смотрящий так, что в костер прыгнуть хочется. Никогда до этого мига не замечала за собой таких наклонностей. Все-таки жить хотелось больше.

– Ян, – с укором заговорил Июнь, – ты чего такой хмурый? Не веришь белкам? Да, им мало кто верит. Но согласишься, что абы кого в этот мир не затащишь. Перед человеком должна стоять конкретная задача, которую он должен выполнить. Иначе домой ему не попасть.

– В смысле? – я поежилась. Как-то разом зябко стало несмотря на то, что стояла я вблизи жаркого костра, который до этого неплохо согревал.

– В прямом, – теперь мужчина обратил внимание на меня. – Если ты здесь, то не просто так. Этот мир поставил перед тобой задачу. Которая, кажется, заключается в том, чтобы ты помогла нам найти Декабря. Иначе с ним у нас скоро и Фев с Яном загнутся. И все, прощай зима.

– Все это происки Жар-птицы, точно вам говорю, – вклинился в разговор молодой человек в копной рыжих волос и веснушками на лице. В его одеждах главенствовал зеленый яркий цвет. – Ей, небось, вечного лета захотелось.

– Успокойся, Август, – махнул рукой на такое предположение Июнь. – Делать ей больше нечего, как такие пакости устраивать.

– Поговаривают, – пропищала Белюшка, – что у нее перья волшебные. И что ими она может с чертями торговаться. Что если она им перо, а они за нее грязную работу сделали?

– Все может быть, – не стал спорить Февраль. Он протянул руки к огню, прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Видно было, что на самом деле устал. – Да только нет у нас доказательств, что она во всем виновата.

– А если мы найдем перо, что она чертям отдала? А там и Декабря? – предположил Ян. – Ведь слухи на пустом месте не появляются.

– Да, – снова не вступил в спор его собрат, – но одно ты не учел, Ян. – Февраль открыл глаза, повернул голову в сторону языкастого и продолжил: – К чертям тоже так просто не попасть. Да и зачем нам перо? Декабря искать нужно. За ним в чертоги лезть, если уж на то пошло.

– Одно другому не мешает, – Ян поморщился. Судя по всему, не любил, когда с ним не соглашаются. С другой стороны, а кто это любит? – Зато тогда мы будем точно знать, что Жар-птица на такое способна. Существо, чистому ду-

шой, в сговор с этими рогатыми вступать без надобности.

– Ситуации разные бывают.

– Да что ты говоришь?

– Упрямый мальчишка!

Спор грозил вылиться в самый настоящий скандал. Или массовый мордобой. Белочки, точно почуяв неладное, не топились спускаться с облюбованных мест. Смотрели с любопытством и нервно пушистыми хвостами подергивали. С чего я взяла, что в их взглядах было любопытство? Это было очень легко сделать. Мордочки грызуний были довольно подвижными и живыми для того, чтобы эмоции легко читались. Белки и не думали их скрывать.

– Нет нам толка в этой девчонке, – Ян указал на меня рукой. Точнее, раздраженно ей махнул, словно отмахивался от назойливой мухи. – Только под ногами путаться будет.

Обидно из-за его слов не было. Он имел право высказать свое мнение на мой счет. Да, оно такое. Не очень приятное, но не более. Вообще, мне казалось, будто я наблюдаю за происходящим со стороны. И все это на самом деле происходит с кем-то другим. Сложно было до конца поверить в то, что стоящие рядом мужчины – те самые месяцы, про которые в сказке про подснежники зимой говорилось. Неужели я в самом деле попала в сказку? И все это взаправду?

Ущипнула себя за руку, но просыпаться и не думала. Боль коснулась сознания, но пробуждения за этим не последовало. Сон... как хотелось поверить то, что все это мне снится.

– Ты побледнела, – заметил Март, с беспокойством заглядывая мне в глаза. – Может, выпить хочешь? У нас медовуха есть. И согреешься, и нервы успокоишь.

– Не хочу, – медленно покачала головой. – Лучше скажи, я на самом деле домой вернуться не смогу, пока не выполню какое-то там задание?

– По-моему, задание яснее ясного, – хмыкнул молодой человек. – Тебе нужно как-то помочь нам отыскать Декабря. Или перо Жар-птицы.

– Но что я могу? – развела руками. – Только не говори, что во мне есть какая-то магия и...

– Нет, – перебили меня. – Магии в тебе нет. По крайней мере, я ничего не чувствую. Поэтому-то мы все и недоуменьшаем, чем ты сможешь нам помочь. Ведь почти все ведьмаки и ведьмы живут на материке. А мы сейчас на Буяне. Тут из колдунов и колдуний только Кощей, Яга, да и еще парочка особо одаренных, включая жену царя Гвидона.

После того, как он заговорил о тех, кого в реальной жизни просто быть не может, мороз побежал по коже с еще большим усердием. В том смысле, что гонял туда-сюда, вызывая неприятные ощущения.

Гвидон? Кощей и Яга? Мне не послышалось? Впрочем, с чего это я вновь удивляться стала? Белки вон, прекращать болтать не собирались. Месяцы все так же стояли вокруг большого костра и разговаривали о проблемах, до которых мне не должно было быть никакого дела. Но, как ни странно,

мне почему-то было беспокойно за этот мир. А казалось бы, ну не будет зимы и что с того? Ну исчезнут Январь с Февралем вслед за Декабрем, мне-то что? Однако, несмотря на это, я хотела помочь.

Глава 2

В которой я обживаюсь на новом месте и... чуть не убиваюсь

Ох, Машка, попадись мне только на глаза. Я тебе твои карты знаешь куда запихну? На самую верхнюю полку шкафа, что стоит в комнате твоих родителей. Ты девочка низкая, ниже меня, до туда точно не достанешь и не догадаешься искать в том месте. А стремянку твой родитель какой год уже купить не может.

– Март, да отцепись ты от нее, – снова вклинился Ян. А ведь так было тихо и спокойно. Пока он не заговорил. – Дотерпи до своего законного времени. Там тебе мяукающие кошки в помощь.

– И с чего это ты такой язвительный сделался? – Март поморщился. Отходить от меня и не думал даже. Чего там, руку свою с моих плеч даже не убрал. Словно всем своим видом хотел дать понять, что слышать-то он своего товарища слышит, однако, слушаться не собирается. – Сам хочешь рядом постоять? Так не стесняйся. Обходи с другой стороны и стой, сколько тебе влезет.

Их зарождающаяся перепалка стала привлекать все больше невольных зрителей. Белочки, что до этого старались уло-

вить как можно больше информации из разговора, так вообще чуть ли с ели не падали. Подались, как одна, вперед, напрыглись, зашевелили нервно ушками. Их чуть ли не распирало от любопытства.

– А может и хочу, – пожав плечами, откликнулся Ян.

И в самом деле встал с правой стороны от меня. Слева, как можно было понять, стоял Март. Точно мартовский кот, правильно сказал Январь. В открытую он своего товарища котом, конечно, не назвал. Подтекст просто был очевиден.

– За тобой, Март, глаз да глаз нужен. Иначе потом остальным придется ее горькие слезы вытирать. А платков, чего утаивать, уже не хватает.

– Вот умеешь ты всю малину испортить, – нахмурился Март, все-таки убирая от меня свои заgreбушие руки. Если быть точнее, одну наглуую ручищу.

– Да какая тебе малина, друг, по зиме-то, – хохотнул русоволосый молодой человек, имени которого я еще не знала. Если вообще Февраль, Март, Апрель и так далее – это имена, и я ничего не напутала.

– Тебе бы, Июль, только хохмить, – продолжал строить из себя обиженного Март. Посмотрел лукаво на меня, подмигнул, растягивая губы в шальной улыбке и снова устроил руку на моих плечах. За что и получил снежком в затылок. Точно так же, как еще недавно Февраль. А если учесть, что Ян стоял не очень удачно для того, чтобы бросить в друга снежком, то...

– Это магия? – удивленно спросила у Января, поворачивая в его сторону голову. Заглянула в льдистые глаза выжидательно. Ну и? Что ответит? Они же мне говорили, что тут, на Буяне магов по пальцам одной руки пересчитать можно. Солгали, значит? Или себя за таковых не считают?

– Не совсем, – неохотно начал... месяц. – Это стихия. У каждого из нас она своя. Я вот... – он приподнял руку, раскрывая ладонь, на которой стал быстро формироваться новый снежок, – из снега снежки делаю.

– Ага, – хмыкнул еще один пока безымянный месяц, – Твоими снежками можно целые деревни укатывать. Знала бы ты, девица, каких жутких снеговиков он лепит. В том году, помнится, целую армию наколдовал. Когда его Настасья брос...

Снежок, созданием которого я только что любовалась, сорвался с места, подгоняемый быстрым, холодным ветром и впечатался в лицо болтуну. Прямо в рот...

Отплевавшись и отерев лицо рукавом золотистого, плотного и явно теплого кафтана, месяц снова заговорил:

– На правду не обижаются, друг. Дарье лучше сразу знать, кто мы такие и какие крысиные скелетики в своих сундуках храним. Иначе не уживется.

– Помолчи, Окти, – с издевкой в голове, проговорил Ян.

Судя по тому, как сильно перекосило лицо Октября, такое сокращение имени ему совершенно не нравилось. Еще бы... Высокий, подтянутый мужчина лет тридцати, с каш-

танового цвета волосами до плеч и хитрым прищуром серых глаз, мало походил на милого Окти. Таким именем если только собаку назвать. Или, на худой конец, – кота.

– С каких это пор, моя личная жизнь стала моим скелетом, о котором нужно всем сообщать? – зло поинтересовался Ян, складывая руки на груди. Опасался, наверное, что и в самом деле снова создаст армию снеговиков.

Слева от меня послышался писклявый и одновременно с этим мечтательный вздох. Подняла взгляд, смотря на пушистый лапник, что укрывал нас от хлопьев снега, что начал идти уже... ближе к ночи, не иначе. На одной из веток сидела белка. Та, что больше всех беспокоилась о своем хвосте. Так вот... эта рыжая проказница, мало того, что грела уши, еще и мечтательно (не иначе) посматривала то на меня, то на Яна. Ну и да, хвост гладила.

– Лучезара, – догадалась. Как? Просто, когда Сентябрь их перечислял по порядку, я успела запомнить.

– Вы такие милые, – пролепетала она, хлопая глазками. – Когда свадьбку отпразднуем? Предлагаю в следующем месяце.

Думаю, не стоит объяснять, почему после этих ее слов на поляне, где всю пылал костер, воцарилась давящая, звенящая тишина. Я была в шоке. Ян, предполагаю, тоже. От такого-то заявления. Тем более, если его там недавно какая-то Настасья продинамила. Да и вообще, я его знать не знаю. Как и он меня. Какая к лешему свадьба? Да меня родители при-

бьют, если узнают, что я за первого встречного-поперечного замуж выскочила.

– Апрель... – обратился Ян к мужчине, что стоял дальше всех. Кажется, ему было в тягость с кем-либо общаться вообще. – Помнится, у тебя имелись лук и стрелы. Дай, будь другом. Не хочу на эту болтливую пакость силы тратить.

Печенкой чуяла, что Ян не шутит. Смотрел сурово на рыжих болтушек, словно решал, какую из них первой на шубу пустить. Жалко мне этих бедовых стало и я, машинально ухватив парня за рукав полушубка, сжала на нем пальцы, точно боясь, что сбросит мою уже успевшую отогреться у костра конечность и уйдет. Не станет слушать.

Произошло же не совсем так, как мне думалось. Нет, Январь обратил на меня внимание. Но вот руку высвобождать не торопился. Смотрел сверху вниз на мою конечность и хмурился. Кажется, он совсем позабыл и о белках, и о своих братьях, что сейчас стояли и все, как один, взирали на нас. Некоторые даже с широко распахнутыми глазами. Того и гляди выпадут. Жуткое зрелище. Вон как у Марта лицо вытянулось. А Июль чуть ли от смеха не давится. По спине ему что ли постучать... Палкой.

– А мне нравится эта идея, – не выдержал Октябрь. Точно сейчас мстить будет за Окти. – Вот как только Декабря найдем, так и... Он сам вас перед богами и соединит узами брака. Мне кажется, это замечательная идея.

– Во-во, – энергично закивала головой Лучезара. – Пра-

вильно.

Все эти разговоры начинали утомлять. О какой свадьбе может идти речь? Да и с кем? С Яном? Нет уж, увольте. Он, конечно, довольно симпатичный, но мы с ним точно не поладим.

– Теперь можно меня отпустить, – наклоняясь к моему правому уху, прошептал Ян. – Иначе моя стихия может подумать, что ты с ней заигрываешь. В этом случае я за себя не отвечаю.

Повторять дважды было не нужно. Я резко отдернула руки и на всякий случай отошла чуть в сторону. Чтобы не стоять так близко к месяцу. Он не то, чтобы меня нервировал. Скорее, волновал. И это настораживало еще больше.

– Что ж, если ты у нас задержишься... – слово взял Февраль. Он стоял в паре метров от меня и продолжал сверлить свои колючим взглядом. Кажется, я кому-то здесь не нравилась. В этом не было ничего удивительного. Мы почти не знакомы. Одета я очень странно. И вообще неизвестно, для чего меня перенесли в этот мир. – Тебе придется пожить с нами какое-то время. Ну или мы определим тебя в ближайшую деревушку. Но не можем обещать, что тебя, незамужнюю, там быстро не пристроят. Все-таки у нас не любят свободных девушек. Уже с четырнадцати лет некоторых замуж отдают. А ты уж, прости, на четырнадцать уже не тянешь. И глазом моргнуть не успеешь, как замужем окажешься.

– С тремя детьми и свекровью-чудищем поганым, – писк-

нула, кажется, Белюшка.

Мне так «тонко» намекают, что лучше отправиться с одиннадцатью мужчинами в неизвестность, чем попробовать сунуть свой нос в ближайшую деревню? По-моему, разницы особой нет. Да и не факт, что меня сразу не ухватят под белы ручки и не поволокут в храм. Или где у них тут люди женятся.

– Пойдем, Дарьюшка, – сказал Март, вновь самым бессовестным образом влезая в мое личное пространство. А именно: приобнимая за плечи. – Терем у нас большой. Тебе место найдется. Правда, придется на санях прокатиться. Но ты ведь не боишься высоты, правда?

Высоты? Мне не слышалось? Но в чем связь?

Об этом я и спросила у Марта, когда он повел меня прочь от костра. Остальные месяцы последовали за нами. И чем дальше мы отходили, тем меньше и тусклее становился костер. Наверное, он вскоре совсем перестанет греть. И потухнет, словно спичка, попавшая в стакан с водой.

Мы шли по снегу, который словно сам по себе превращался в вытопанную тропку. Еще недавно мне казалось, что снежинки лежат пушистыми, легкими сугробами. Но каждый раз я наступала на твердую землю, укрытую белоснежным ковром, по обеим сторонам которого высились деревья. По ним-то и скакали четыре неугомонные белки. Точно не оставят меня в покое. Я бы спросила у них еще раз, зачем здесь оказалась. Что нужно сделать. Увы... мне начинало ка-

заться, что они не хотят говорить, только ли в пропавшем Декабре суть дела или нет. По всему выходило, что меня обманывают. Говорят не всю правду.

– А как быть с родителями? – спросила у Марта, так как он был ближе остальных. Я бы даже сказала – непозволительно близко. – Они будут меня искать, переживать. А если что-то случится?

– Об этом не волнуйся, – отмахнулся от моих слов парень. – После того, как поставленная перед тобой задача будет выполнена, ты вернешься в то же время, в какое и пропала. Лучше, конечно, чтобы в это время дома никого не было. Или хотя бы вблизи от тебя. Иначе потом замучаешься объяснять.

– Но как такое возможно?

– Это волшебное место, – продолжил объяснять Март. Остальные месяцы притихли. Просто шли кто где. Некоторые, например, продолжали идти по тропке, как Ян. А парочка полезли в сугробы, что-то выискивая под снегом. Никак подснежники искали.

Не сложно было догадаться, какое время года им покровительствует. Яркий зеленый цвет на одеждах говорил о том, что это Апрель и Май. Последнего мне, кстати, так никто и не представил. А он не торопился представляться. Точно как и его брат Апрель. А вот про Марта я такое сказать не могла. Этот на их фоне резко выделялся.

– Зануды, – словно прочитав мои мысли, сказал месяц. –

И поговорить не любят. Не то что я. Поэтому, — он поиграл бровями, давая тем самым понять, что под словом «поэтому» он вообще подразумевает, — я смог целиком и полностью завладеть твоим вниманием.

За спиной хмыкнул Ян. Он шел за нами и точно прислушивался к разговору.

Никак не отреагировала ни на Марта, ни на Января. Мне по-прежнему казалось, что я сплю. Пусть часть меня и признавала, что все это реально. Вторая же полностью отрицала происходящее, склоняясь к тому, что таки да, это кома. Уже одно то, что я имею честь разговаривать с Январем, Мартом, Февралем, Июнем и так далее, говорит о том, что где-то что-то у меня куда-то не туда заехало.

Хотелось переключить свое внимание на что-то более реальное. Еще боялась лишний раз думать о родных, которые точно себе места не найдут, когда обнаружат, что меня нет. Но ведь мне сказали, что обратно я вернусь с разницей всего минут в десять. Плюс-минус особой роли не играет. Но стоит ли так слепо доверять тем, кому доверять совсем не хочется?

От мысленных метаний начала болеть голова. Пришлось заставлять себя не думать о плохом. Лес, окружающий нас, смог немного в этом помочь. Я на самом деле словно оказалась в сказке. Высокие, облаченные в снежные шубы, деревья. Под ногами вытоптанная тропинка. По обеим сторонам от нас стены из все тех же деревьев. Еще, несмотря на то что уже было довольно поздно, света хватало на то, чтобы как

следует все рассмотреть. Свет, как оказалось, давали маленькие светлячки. Желтоватые и белые точки кружили между стволов деревьев, баловались над нашими головами, нервировали белок. Вот последнее особенно мне нравилось. Рыжие проказницы фыркали, тихо переругивались. Пытались отмахнуться от назойливых светлячков то лапками, то пушистыми хвостами. А те продолжали их доставать. То слегка коснутся уха, то чуть ли в глаз не лезут.

Но даже эта красота не смогла сравниться с той, что я увидела немногим позже. А именно – мы, после недолгой прогулки по тропке, вышли на большую поляну, на которой возвышался самый настоящий терем. Сначала мне показалось, что он создан из льда. Однако, потом, приглядевшись, я поняла, что это просто искусная иллюзия, если можно так выразиться. Терем был деревянным. Шероховатости дерева были видимы через толстый слой льда, окутывающий жилище месяцев.

Зато рамы на окнах были вполне себе ледяные. Стекло же, наоборот, ничем не отличалось от вполне себе обычного, опять же, стекла. Крыша была голубой. То ли из-за того, что льда там было больше, то ли очередная иллюзия, плод моего больного воображения... Как знать? Если приглядеться еще более внимательно, то и витиеватый рисунок можно было рассмотреть. Он вился по рамам окон, словно плющ и переплетался между собой.

– Вот и наш дом, – указал рукой на крыльцо Март. – Сей-

час перекусим. Ты согреешься. И я, так уж и быть, покажу тебе наших красавцев.

– Это каких? – полюбопытствовала я.

– Коней, разумеется, – хмыкнул месяц. – Статные, бело-снежные, с серебристой гривой. Пока зима, все здесь напоминает лед и серебро. Но стоит наступить весне... Как лес заиграет более живыми красками. И лошади преобразятся.

– А как по мне, сейчас здесь очень красиво. – Сложно представить это место другим.

– Просто ты увидела его зимой, – снова напомнил об этом важном, как я считаю, факте Ян. Он подошел ко мне и встал сбоку. На своего брата (предположительно, само собой) смотрел так, что даже мне снова захотелось куда-нибудь провалиться или где-нибудь спрятаться. – Сейчас он на самом деле представляет из себя ледяной терем. А в марте вся эта красота начнет таять. Поблекнет.

– Ты на что намекаешь? – возмутился, собственно, Март. – Что я блеклый?

– Нет, – покачал головой языкастый, – я намекаю на то, что со вкусом у тебя явные проблемы.

– Да ты...

– Хватит спорить, – вмешался Февраль, с укором посматривая на Яна. – Нашли время. Лучше зайдем в дом. Девчонке нужно выделить комнату, накормить...

– Да спать уложить, – вдруг подал голос Май. А я-то уж было думала, что этот русоволосый и сероглазый красавец и

слова не скажет. Впрочем, все месяцы здесь были по-своему красивы. И характеры имели такие, что и врагу не пожелаешь. Как, спрашивается, все в одном тереме уживаются?

Больше никто не проронил ни слова. Молчали, когда подходили к ледяному крыльцу, когда заходили в сам дом и шли дальше, в большую и светлую столовую. Как ни странно, внутри все было вполне привычным. Только на занавесках в столовой поблескивали снежинки. И скатерть, которой был застелен длинный стол, тоже радовала глаз снежным узором. Словно его скопировали с одного из окон. Но, как ни странно, сами окна были лишены узора. И это несмотря на то, что зима была вполне ощутимой, снежной и холодной. Да я пока от костра до терема шла, окоченела. И все чаще стала думать над тем, чтобы купить себе нормальный длинный пуховик. Какой толк в куртке, если она почти не прикрывает.

– Присаживайся, – милостиво проговорил Март, подводя меня к одному из свободных стульев. – Сейчас нам Август что-нибудь из печи наколдует.

– Из печи? – переспросила и заскользила взглядом по помещению. Никакой печи не обнаружила. Зато заметила в дальней части широкую дверь. Возможно, там кухня?

– Ну не самим же нам готовить, – пожал плечами молодой человек. Устроился по левую руку от меня и продолжил говорить: – У нас печь волшебная имеется. В нее ставишь чугунок, две минуты и он уже наполнен тем, чего ты пожелаешь. Из еды, разумеется. Гору золота печь тебе не накол-

дует, например.

– Март пробовал, – съязвил Январь, что устроился с другой стороны от меня.

Месяцы дружно засмеялись, а вот Март насупился. Ответить на колкость ничего не стал, но по хмурому взгляду поняла, что если что, ответит точно так же. Но пока решил промолчать. Хотя, я уже знала одну болезненную тему Января. Как там звали его бывшую зазнобу? Настасья? Что же между ними произошло, что они расстались? И ее не смущало, что он вообще-то... вроде и не совсем человек? Впрочем, героинь из фэнтези романов никогда не пугало то, что их избранник то маньяк-убийца, то лютый оборотень, то еще кто. Одно пугало – почему я-то вдруг стала такой вот героиней. Слава богу, с женихом еще ничего не понятно. Надеюсь, хотя бы в чем-то Машка ошиблась тогда и вовсе не жених мне здесь нужен. Лишь бы Декабря поскорее отыскать и вернуться домой. За родителей я переживала ужасно. Сердце сжималось от беспокойства. И слова месяцев не успокаивали. Это я потом вернусь примерно в то же время. А сейчас что? Оно продолжает так же идти, но без меня? Или оно замерло? В последнем сомневаюсь.

– Братцы, помогать собираетесь?! – слышался из-за двери, что вела на кухню (надо будет сунуть туда свой нос и убедиться в своем предположении окончательно), голос Августа. – Хотя бы тарелки наколдуйте. А то я один вешаюсь.

Мужчины засуетились. Точнее половина их них. Осталь-

ные так и сидели за столом, ожидая. Точнее, это я поначалу так подумала. Как оказалось чуть позже, месяцы как раз и занимались тем, что наколдовывали посуду. Прямо передо мной закружили серебристые снежинки. Они стремительно набирали скорость. И когда уже было невозможно разглядеть хотя бы одну снежинку, на стол со звоном упала серебряная глубокая тарелка. Затем и ложка. Сразу стало понятно, кто мне все это наколдовал.

– Спасибо, – поблагодарила Яна, который продолжил сосредоточенно создавать посуду.

– Пустяки, – отмахнулся от моей благодарности месяц.

А вскоре я снова увидела самое настоящее волшебство. Сначала из кухни в столовую вышли мужчины, включая немного усталого Августа. Затем за ними, плывя по воздуху, показались чугуны. Я почти сразу уловила аромат картофеля и тушеного мяса. Как я хотела, оказывается, есть! Через пару секунд, как чугуны оказались на столе, из кухни выплыли несколько подносов с пирожками. Я, будучи любительницей выпечки, была готова слопать как минимум половину. Но, все мы, наверное, когда голодные, способны на такие подвиги. В смысле, думаем, что способны. По факту получается, что сдаемся на третьем пирожке или на второй порции мяса с картошкой.

– Еще напитки, – довольно потирая руки, проговорил Август.

Присаживаться за стол он не торопился. Стоял с дальне-

го края и... колдовал. Ничем другим зеленоватые искорки, пляшущие на тонких пальцах, назвать было нельзя. И волосы (непослушная рыжая грива) были в таком беспорядке, словно парня сильно ударило перед этим током.

Было удивительно не только видеть колдовство вживую. Еще удивляло то, что я не падаю в обморок и не бьюсь от страха и непонимания в истерике. Ведь это другой мир. Я точно не сплю. Я уже успела столкнуться с говорящими белками и с месяцами. Они материальны. Они... живые.

Снежинки вновь закружили над столом рядом со мной. Потом появился самый настоящий кубок. Тоже из серебра. Тяжелый, он стукнулся о столешницу со звоном. Но этот звон потонул в других таких же. Не одной мне хотелось пить.

Из кухни в столовую по воздуху всплыли четыре пузатых кувшина. Сразу почему-то вспомнился мультфильм «Мойдодыр». Там от мальчика-грязнули убегали вещи, посуда, игрушки... Вот так же по воздуху летали, как сейчас кувшины летели к столу. Только убегать здесь посуда не спешила. Наоборот, была довольно смирной. Если такое сравнение уместно по отношению к, повторюсь, посуде.

– Теперь можно и поесть, – довольно потирая руки, проговорил Август.

Он занял место за столом, рядом с Июнем и Сентябрем. И сразу полностью переключился на поглощение пищи. Мне же, как ни странно, кусок в горло не лез. А ведь еще с минуту назад я хотела есть! Так зверски, что думала, съем целый

поднос с пирожками, которые продолжали соблазнять меня умопомрачительным запахом сдобы.

– Ты чего это? – заметил мое замешательство Март. Даже жевать перестал. Хотя, до этого уплетал картошку с мясом за обе щеки. – Почему не ешь?

– Все это так странно, – проговорила тихо.

– Ой, накрывает, – пропищали за спиной.

А вот и белочки, про которых я успешно успела забыть, объявились. На глаза не показывались, зато разговор завели. Причем, на повышенных тонах:

– А я говорила, нужно было ее сразу по голове палкой стукнуть. Тогда бы она уже здесь очнулась. И не нужно было бы ее из сугроба вызволять.

– Так она оттуда сама вылезла, – возмутилась другая рыжая. – Мы ей вот ни капельки не помогли.

– Какая разница. Видите же, что ее сейчас осознание окончательно накроет и все, привет с большого бодуна. Истерика начнется.

– Да не начнется, – отмахнулась уже четвертая белочка.

– Ставлю три золотых на то...

Успокойся, Дашка. Хватит паниковать. Поздно уже. Какой смысл лишний раз трепать себе нервы истерикой? Никто не оценит. Подумают еще, что ты истеричная особа. И что тогда? Нет, нужно взять себя в руки. Ничего страшного не случилось. Подумаешь, в другой мир белки перенесли. С кем не бывает?

Все-таки смогла запихнуть в себя два пирожка и выпить целый кубок с травяным чаем. Почему чай был налит в кубки, отдельный вопрос. На который если и не узнаю ответ, не очень-то расстроюсь. Сейчас меня интересовало другое, и я не собиралась откладывать выяснение этого вопроса в дальний ящик.

– Как вы планируете начать поиски Декабря?

В самом деле, чем раньше пойму, с чего следует начинать, тем четче буду понимать, сколько времени (примерно, само собой) придется убить на поиски пропавшего месяца. Не понятно было и то, что я не знала, чем могла помочь. Обычная девчонка из другого мира навряд ли обладает какими-то скрытыми способностями.

– Мы уже давно их начали, – Февраль поморщился. – Но все безрезультатно.

– Почему же, – не согласился с ним Апрель, – нам известно, что его след теряется в Тривосьмом государстве. Что он там забыл, пока выяснить не удалось. Но он колдовал перед тем, как пропасть. Благодаря остаточной энергии мы и обнаружили его след.

– Нам неизвестно, не ложный ли он, – Ян тоже не источал оптимизм. Сарказм – да. Но уж точно не какую-нибудь положительную эмоцию. – Вполне вероятно, что нас специально хотят запутать. Чтобы мы ушли в своих поисках в другую сторону.

– Но зачем кому-то его вообще похищать? – продолжила

расспрашивать я.

Вся эта ситуация была довольно странной. Почему был похищен именно Декабрь? А не, скажем, тот же Март. Вероятно, кто-то просто хотел уничтожить зиму. И, само собой, мои новые знакомые думали точно так же. Других более-менее логичных объяснений не находилось.

– Без Декабря в Отражающем никогда не будет нормальной зимы, – решил прояснить ситуацию Сентябрь. – Пока Феву и Яну удастся контролировать ситуацию. Но и их силы не безграничные. Рано или поздно они исчерпают себя. И тогда уйдут из этого мира. Растают, словно снег, что намело в прогретый дом.

А тут мне вспомнилась сказка, про Снегурочку, которая, послушавшись родителей, прыгнула через костер и растаяла, превратившись в облако. Неужели Января и Февраля ждет такая же участь? Только вместо костра их ожидает потепление? В смысле, выгорание резерва. Или как это еще можно было назвать.

– Пусть мы и выглядим, как обычные люди, но на самом деле, мы – это стихия. И если с ней что-нибудь случится, долго мы не протянем. И передать кому-либо свой дар не успеем. Не говоря уже о том, чтобы наградить им своих детей или близких. Пока никто из нас таковыми не обзавелся, – в голосе Февраля слышалась грусть. – У Января были все шансы стать первым, но...

– Сейчас кое-кто получит, – перебил брата Январь. – И не

посмотрю, что мы родственники.

– А вы все родные братья или нет? – полюбопытствовала.

– Разумеется, нет, – а тут с пояснениями проснулся один из молчаливых месяцев – Май. – Но становясь слугами стихии, мы должны следовать данным своей покровительнице обещаниям. Одно из них – все, кто стал стихией, отныне братья твои. Просто Яну с Февом повезло. Они на самом деле братья.

– Как сказать, – хмыкнул Ян. – То еще удовольствие.

– Сам не в восторге, – вторил ему Февраль.

Вот и как, спрашивается, они будут Декабря искать, если между собой готовы переругаться? Обычно, общая беда объединяет. Тут же, кажется, все наоборот.

– В любом случае, разбираться с этим будем уже завтра, – легко снова переключил свое внимание на меня Февраль. – Сейчас я провожу тебя в твою комнату. Обустраиваться будешь. Ты уж прости, но с девчачьей одеждой у нас туго, поэтому...

– Ничего страшного, – поспешила успокоить мужчину. – Мне вполне пока хватит своей. Если только...

– Мы все организуем! – подрядились белочки и... Самым наглым образом вскочили на стол.

Сделали они это не очень аккуратно. Как итог: она из них влетела в поднос с пирогами, вторая – опрокинула кубок Яна, третья приложилась о чугунок и так и застряла, обнимая его. Точнее, пытаюсь обнять. Четвертая же, наверное, са-

мая прыгучая из всех, каким-то образом умудрилась влететь в Февраля. Вцепиться тому коготками в лицо и как следует расцарапать, пытаюсь удержаться.

– Это что такое?! – возмутился Август, медленно поднимаясь со своего места. Он упер кулаки в столешницу, наклонился чуть вперед и зло стал рассматривать белочек, что замерли, словно неживые. – Совсем страх потеряли, пушистые?!

– Мы нечаянно, – пискнула, кажется, Лучезара. – Кто ж виноват, что эти непутевые за мной на стол взлетели.

– Не правда, – возмутилась Белюшка. – Это ты за мной вскочила. Первой хотела оказаться. Нет, чтобы уступить старшим.

– Ты старше меня всего на минуту!

– А какая разница?

Май и Апрель дружно покачали головами. Ян выразительно так смотрел на пушистых. Февраль... взглядом метал молнии. Или еле сдерживался, чтобы не вымести этих прохиндеек из терема, призвав себе в помощники, например, метель.

– Пойдем, Дарья, – заговорил Март, вставая из-за стола. – Провожу тебя до свободной комнаты.

– А мы в деревню, за вещами! – игнорируя тяжелые взгляды хозяев дома, пропищали белки и самым бессовестным образом слиняли. Подскочили к окну, подождали, пока одна из них откроет створки, и были таковы.

Машинально встала, попыталась выбраться из-за стола, перекинув ногу через скамью, но зацепилась ботинком за ножку стола и, не удержав равновесие полетела прямо в объятия Января.

Ян теряться не стал. Распахнул свои объятия. В них я, собственно, и угодила, с силой приложившись носом о его подбородок. И если месяц лишь слегка поморщился, то у меня слезы из глаз брызнули. Романтично я упасть не могла. Нужно было с такой силой долбануться, что мама не горюй.

– Неуклюжая, – беззлобно пробормотал Январь перед тем, как предпринять первую попытку придать моему телу нормальное положение. А именно, стащить это самое тело с другого. Тут я и сама была рада избавиться от объятий, которые, вот ни капельки, не были мне приятны. Вот совершенно! – В следующий раз будь осторожнее.

– Я прослежу за целостностью нашей гостьи, – чуть ли не смеясь, заверил Яна Март. – Дарья, лучше тебе держаться за мою руку.

Неуверенно снова поднялась со скамьи, куда меня все-таки удалось ссадить, и вцепилась в ладонь Марта мертвой хваткой. Если еще раз буду падать, то уж точно не одна. И краснеть тогда буду не только я.

– Ян, а почему ты колдовство не призвал? – спросил у брата Февраль. – Мог же снежинками затормозить ее падение.

– Мог, – не стал спорить парень, скользя по мне изучающим взглядом. – Но не захотел.

Так бы и треснула его чем-нибудь тяжелым по голове. Его счастье, что слишком устала для того, чтобы препираться и мериться силами. Пусть зубоскалит. Мне не жалко.

Спокойно пошла за Мартом на выход из столовой. Надеюсь, что спокойно. Потому как, признаться, хотелось бежать без оглядки. Потому как лопатками чувствовала изучающий взгляд льдистых глаз. И чего, спрашивается, ему от меня надо? Из одиннадцати месяцев он был единственным, кого мне хотелось стукнуть. Странное желание. До этого я такой кровожадностью не страдала. Определенно, от Яна нужно держаться подальше.

Лестница находилась прямо за столовой. Выйдя в коридор, мы тут же повернули влево, сделали несколько шагов и стали подниматься на второй этаж. Март молчал. Лишь косо на меня посматривал. От его взгляда, признаться, делалось не по себе. Словно он знает что-то очень важное, но делиться этим знанием со мной пока не собирается.

Правильно мама мне говорила: «Умом мужчину не понять, но можно скалкой раскатать». То есть, если говорить простым и понятным языком – перейти к пыткам и таким образом, собственно, понять. Увы, а может и к счастью, я до такого еще не докатилась. Поэтому усиленно делала вид, что меня ничего не волнует. Чего уж там, вокруг не происходит ничего из ряда вон выходящего.

– Вот эта комната вполне тебе подойдет, – сказал Март, останавливаясь у двери, что находилась в самой середине ко-

ридора. Дверей тут, стоит отметить, было предостаточно. — Не очень просторная, но жить можно. Мы тут все в некотором стеснении.

— А других свободных нет? — спросила, прекрасно представляя себе, как с обеих сторон за стеной будут храпеть месяцы. Сомневаюсь, что у них тут есть звукоизоляция. — В дальней части коридора?

— Нет, эта самая чистая. В остальных такой бардак... — парень поморщился. — До утра убираться будешь. А тебе отдых нужен. Завтра не будем терять времени даром. С самого раннего утра отправимся на Кудыкину гору, к колдовскому костру. Возможно, он поможет нам понять, где нужно искать Дека. Да и интересно все-таки, чем ты нам помочь сможешь, — сказав это, он заскользил по мне задумчивым взглядом. Так на рынке мясо выбирают. Ищут лишний, ненужный жир. Проверяют, не собираются ли им подсунуть не свежий товар. Вот и я себя сейчас почувствовала кем-то на подобии товара. — А там, глядишь, и белки что-нибудь подходящее для наших мест принесут. А то смотреть на твои ноги тошно.

Он так горестно вздохнул, что я почти поверила, что ему на самом деле невмоготу. Если бы не лукавый взгляд...

— Ага, страдайте, — фыркнула и потянулась рукой к ручке двери.

Было не заперто, и я свободно, беспрепятственно вошла. Остановилась почти сразу, наступив на что-то твердое. Раздался хруст и в подошву ботинка что-то впилося. Причем

прорезало всю подошву и задело ступню.

Вскрикнув, дернулась в сторону и стала заваливаться назад. Неуклюже взмахнула руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но единственное, что ощущала под пальцами это словно уплотнившийся воздух.

Потом передо мной закружили снежинки. Укутали, словно в кокон, и вернули в нормальное положение. Словно в спину подталкивали и за руки тянули. Как? Понятия не имела. Сложно было заставить себя не удивляться такому и не пугаться. Меня уже начинало потрясывать от всего, что происходило вокруг меня. Потому что я не могла найти этому всему нормальное, привычное объяснение.

Только собиралась ступить на больную ногу, как снежинки снова закружили, будто протестуя. Я сама спохватилась, поняв, что чуть было не сделала. У меня из ступни торчит осколок. Если надавлю, он войдет еще глубже. Кричать буду знатно. Все осложнялось тем, что нужно было снять ботинок. А как это сделать, не повредив ногу еще сильнее?

– Вот ни на минуту оставить нельзя, – проворчали за спиной. А в следующий миг меня уже держали на руках. Январь... И почему я этому не удивилась? Преследует он меня что ли? – Март, ты куда смотрел? – а вот тут в голосе Яна послышалась злость.

– Не куда, а на что, – поправил брата месяц. – Кто ж виноват, что в этих жутких штанах она очень аппетитно выглядит?

– Что?! – возмутилась, на время позабыв о боли в ноге.

– Урою! – вторил мне Январь.

Кое-кого слова Марта задели больше, чем меня? Нет, наверное ли. Просто Ян тоже перенервничал. День был сложным. Я уже успела доставить месяцу неприятности. В смысле, сложности. Сама не понимаю, с чего вдруг стала такой неуклюжей и невнимательной. Вроде всегда твердо стояла на ногах, а тут... Непонятное что-то происходит.

Ян подошел к кровати, застеленной покрывалом из разноцветных квадратных лоскутков, и вместе со мной опустился на нее. Шикнул, когда я попыталась сползти с колен, перехватил рукой, что придерживала спину еще сильнее и посмотрел... Точно так же, как еще недавно посматривал на Марта. Который так и стоял у порога, не решаясь его переступить. Будто ждал, что его пригласят в комнату. Но приглашение, кажется, так и не будет произнесено. Я не могла выдавить из себя ни слова. А Ян игнорировал брата в связи с особенностями не очень-то мягкого и покладистого характера. И вроде знакомы меньше суток, а я уже точно знаю, какой он.

«И будет он с характером. Статен, красив и обходителен. Временами...» – словно наяву услышала голос Машки. На самом деле показалось, что она нашептывает мне эти слова на ухо. Напоминает о том дне, когда удержала меня у себя дома и начала гадать. На судьбу и любовь. И когда затронула тему любви, стала расписывать мне моего будущего супруга.

Я не помнила эти слова в точности. Но почему-то не сомневалась, что сейчас они воскресли в моей памяти именно в таком порядке, в котором говорила подруга.

– Ты чего на меня так смотришь? – спросил Ян, чуть отстраняясь. Словно боялся, что я сейчас его зацеловывать до смерти начну.

– Ничего, – пробормотала, отворачиваясь.

Буду я еще с тобой, языкастый, откровенничать.

Боль вернулась резко. Словно исчез эффект заморозки. Пульсация была такой силы, что сдержаться не смогла – застонала. И перед глазами как-то странно все помутнело.

– Эх ты, горе, – сказал Ян, качая головой.

Снова приблизился ко мне, коснулся свободной рукой ноги, по которой растекалась боль, и заскользил ладонью вниз, подбираясь к ботинку. Возмущаться и брыкаться снова не стала. Ждала, что он будет делать дальше. Тем более, после его прикосновения, боль постепенно притуплялась.

– А вот теперь – терпи, – предупредил Январь и стал стягивать с меня ботинок. Я бы и сама могла попытаться это проделать, но на меня шикнули сразу же, как только я снова заелозила на коленях месяца. Вот ведь... Вроде человек, а шипит, словно полоз.

Было холодно и больно. Только вот боль была не обжигающей, а колющей. Словно десятки иголочек впились в ступню одновременно. С трудом сдержалась, чтобы не дернуть-ся снова. Лишь сильнее ухватила Января за шею. Чему мой

спаситель был не очень рад. Мотнул головой, глянул хмуро. Несмотря на это, хватку не ослабила. Руки словно свело, и они не хотели слушаться.

– Может Августа позвать? – решил напомнить о себе Март. – Пусть позвенит своими склянками. Найдется же у него что-нибудь заживляющее.

– Было бы неплохо, – бросил Ян, продолжая рассматривать мою ногу, с которой уже успел стащить ботинок и пришедший в негодность носок. А ведь это была моя любимая пара носок... со снеговиками.

Март ушел. Я услышала его затихающие, быстрые шаги в коридоре. Но в сторону входа в комнату не смотрела. Все мое внимание было приковано к светловолосому молодому мужчине, что сейчас, продолжая удерживать меня одной рукой, второй извлекал из ступни осколок стекла. Мне по-прежнему было больно. Но на смену иголочкам пришли льдинки. Это они жалили кожу. Но был в этом и плюс – холод помогал мне переносить неприятные ощущения легче. Он словно забирал часть их себе.

– Ты вообще что ли под ноги не смотришь? – ворчал Ян. – Как можно быть такой невнимательной?

Молчала. Во-первых, боялась своими неосторожными словами отвлечь Января. Во-вторых, не хотелось вступать в словесную баталию. Я просто мечтала о крепком сне в теплой кровати. О проблемах, вывалившихся на мою голову, подумаю уже завтра.

– Ты молчишь? – наконец, Ян посмотрел на меня. Осколок он извлек и сейчас этот окровавленный ужас был зажат между большим и указательным пальцем месяца. – Странно. Мне казалось, что ты любительница посоревноваться в красноречии.

– Ты чего такой колючий? – поинтересовалась, полностью проигнорировав замечание Яна. Все-таки он мне помог.

– Не знаю. – Другой ответ я почему-то услышать и не рассчитывала. – Просто, когда тебя вижу, так и хочется поддеть. Не знаешь, чем это может быть вызвано?

И думать страшно. Это в младших классах парни задирают девчонок, которые им нравятся. За косички там дергают или дурами обзывают. Странное желание сделать той, которая тебе интересна, больно. Потом (не всегда, к сожалению) такое желание уходит. На смену ему приходит другое – полапать, зажать в темном уголке. Не так уж и давно я закончила школу, чтобы подзабыть то, чему сама неоднократно была свидетельницей. Меня только, слава богу, такие вот субъекты обходили стороной.

– Я просто тебя бешу, – решила, что тут следует ответить. – Наверное, сразу не понравилась. Чем-то... Вот только, чем?

– Без понятия...

Снова услышала торопливые шаги в коридоре. На этот раз повернула голову ко входу и стала ждать. Знала уже, что это Март и Август. Но все равно немного нервничала... Скорее

всего из-за того, что так и продолжала сидеть на коленях Яна. Со стороны мы выглядели, мягко говоря, странно.

И вот месяцы вошли, осмотрелись, зацепились за нас обеспокоенными взглядами. И почти сразу же эти взгляды поменялись, став лукавыми. Март еще и губы в улыбке растянул. Того и гляди, засмеется. Интересно, что именно вызвало у него эту улыбку. Видел же уже, как я на коленях у Января восседаю.

– Да тебя прям явно чем-то по голове приложило, – непонятно к чему проговорил Август, качая головой.

В его руках я заметила небольшой пузырек с ярко-зеленой жидкостью. Видимо именно ей нужно было обработать мою рану. Вот честно, если так пойдет и дальше, то я до следующего утра не доживу. Сама не замечу, как отдам богу душу. Или богам. Про местный пантеон я пока еще ничего не знала.

– Не понимаю, о чем ты, – спокойно откликнулся Ян и почему-то скосил взгляд к потолку.

Я проследила за ним и охнула от удивления. Над нашими головами кружили серебристые снежинки. И не просто кружили, а, если приглядеться, то они изображали собой одну конкретную фигуру – сердце.

– Это что такое? – пробормотала, во все глаза смотря на очередное чудо.

– Это стихия дурачится, – ответил Ян. – Не обращай внимания.

Сложно не обращать внимание на снежное сердечко, которое начало резко пульсировать. Будто на самом деле билось, гоняя кровь по венам. Венам, которых нет. Просто замечательно. Моя больная фантазия меня скоро в могилу сведет.

– Так, – Август восторгнулся, с трудом отводя взгляд от снежного сердца. – Я сюда вообще-то не за этим пришел.

– За чем «за этим»? – тут же насторожился Январь.

– Не бери с голову, – отмахнулся месяц и заторопился к кровати, на которой мы так и сидели.

Я продолжала хвататься за шею Яна. Боялась, не иначе, что если не буду его обнимать, то свалюсь на пол. А там, между прочим, до сих пор осколки валяются. Причем, окровавленный тоже к ним присоединился.

Когда Август подошел достаточно близко, чтобы рассмотреть мою пострадавшую ступню, снежинки исчезли. Странно, но мне почему-то стало жаль. Нравилась красота волшебства, которого я может вообще больше никогда не увижу. Но просить Яна наколдовать мне еще что-нибудь не стану. По крайней мере, не сейчас. Вон он как от простого сердечка нахмурился. Видимо и вправду само собой вышло. Почему именно сердечко?

У меня, конечно, возникли мысли на этот счет, однако, не думаю, что они вообще уместны. Все же мы знакомы, повторюсь, меньше суток. В любовь с первого взгляда я не то, чтобы не верила, просто не надеялась, что подобное может

произойти со мной. В любви мне не везло. Парней я выбирала... не самых лучших, как потом оказывалось. Из-за этого, скорее всего, у меня и были проблемы в личной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.